

Глава 1.

Полевая работа и методы исследования

Материал для анализа

Материалом для книги послужили свободные интервью с эмигрантами из бывшего СССР, прибывшими в Израиль в 1989–1999 гг. Банк данных составил 123 интервью со 143 информантами, проведенные в течение трех лет, с 1999 по 2002 гг. В ряде случаев друзья и родственники предпочитали групповые беседы, поэтому число информантов превышает количество интервью. По разным причинам шесть человек отказались принять участие в проекте. Несмотря на то, что все информанты прибыли в период «большой алии», срок их пребывания в Израиле колеблется от 10 лет до полутора месяцев (7 информантов). Восемь человек покинули Израиль, из них 5 эмигрировали в Канаду и США, двое вернулись в Россию и одна информантка — в Украину. Магнитные записи интервью составили примерно 80 часов и были полностью транскрибированы (расшифрованы и записаны в точном соответствии со звучащим оригиналом). О встречах мы, как правило, договаривались заранее, но иногда беседы возникали спонтанно, поэтому у нас вошло в привычку не выходить из дому без портативного магнитофона. Местом беседы могли быть как учреждения, так и квартиры, парки и пляжи. Средняя продолжительность интервью составляет 45 минут, при этом 6 интервью совсем короткие и включают в себя рассказ об одном-двух событиях из жизни респондентов, другие представляют собой подробные истории жизни, длившиеся от полутора до двух часов. Трое информантов (Гаяне А., 77; Эльвира Д., 34 и Дана Л., 23) захотели дополнить рассказ и были записаны вторично. Пять интервью проведены на иврите (четыре из них записаны ивритоязычными студентами и одно – нами с 14-летней девочкой, забывшей русский язык). Таким образом, основной корпус составляют интервью, записанные на русском языке, родном для всех участников проекта¹. Интервью с Нубаром Асла-

няном, записанное на иврите студенткой Кристиной Барзахьян, было чрезвычайно интересным, но плохо поддавалось транскрибированию: недостаточно владея ивритом, рассказчик вынужденно прибегал к вставкам на армянском и русском языках. Поскольку ни мы, ни Кристина не владели армянским, мы позвонили рассказчику по телефону и договорились о повторной беседе, на сей раз на русском языке, втором, после армянского, языке информанта. Причем это интервью было уже групповым, поскольку помимо Нубара, в нем приняли участие его жена, Алла, и сын Армен. Таким образом, у нас есть три кассеты (одна на иврите и две на русском языке, примерно 4,5 часа звучащей речи), на которых некоторые рассказы фигурируют дважды. Разная степень владения ивритом и русским не скрывает стабильности репертуара Нубара Асланяна. Отметим, что это единственное в нашем корпусе интервью, в котором сохранены подлинные имена информантов. Асланяны – профессиональные музыканты и привыкли к появлению на публике. На наш вопрос, предпочитает ли он появиться в книге под собственным именем или под псевдонимом, Нубар ответил:

Нубар: Я не боюсь.

Интервьюер (...) Вы хотите, чтобы мы дали Вам эти страницы на просмотр, не вызывает ли это у Вас протеста, или раздражения, или чего-то, чтоб не получилось, что Вы недовольны тем, что мы написали... (...) И пишем мы в основном на английском сейчас, но потом мы хотим издать эту работу и на русском языке.

Нубар: Хорошо. Я думаю, что вы напишите то, что здесь (жест в сторону магнитофона) есть.

Интервьюер: Мы другого не напишем. Просто, чтоб у Вас не было (...)

Нубар: У меня есть членский билет члена Союза композиторов СССР и там есть ещё и псевдоним написано. Эта строка у меня открыта, чиста.

Интервьюер: У Вас нет псевдонима...

Нубар: Я же не Шо... Если у Шостаковича нет, ну зачем мне? Ну, кто я такой?! (общий смех)².

(...)

Отказ Нубара Асланяна от псевдонима позволяет нам назвать подлинное имя человека, активно поддерживающего развитие межэтнических контактов в области израильской культуры. Это он организовал благотворительный концерт памяти подростков-эмигрантов из бывшего СССР, погибших в результате теракта в Тель-Авиве в июне 2000 г. (см. главу 3). Во всех остальных случаях информанты фигурируют под псевдонимами при полном сохранении демографической информации. Поскольку при поиске информантов мы не прибегали к помощи официальных учреждений, будь то землячества или добровольные объединения по интересам, а участники проекта, прибывшие из 49 городов бывшего СССР, разбросаны по разным районам Израиля, их практически невозможно опознать, разве что по стабильному репертуару, знакомому их друзьям и родственникам. Все информанты согласились на интервью, зная о том, что оно записывается на магнитофон и будет использоваться для публикаций в научных изданиях, что соответствует этическим нормам, сформулированным Американской ассоциацией антропологов (<http://www.aaanet.org/committees/ethics/ethcode.htm>). Мы согласны с Фиджин, что сохранение за псевдонимами характерных признаков подлинных имен повышает естественность текста (Фиджин 2002: 33). Поэтому имена информантам были изменены по определенной системе: тезки получали одинаковый псевдоним; сохранялся этнический характер имен: еврейские имена заменялись еврейскими, армянские – армянскими, цыганские – цыганскими, учитывалась распространенность и/или исключительность имени. В тех случаях, когда в рассказах фигурировали дополнительные персонажи, их имена были изменены аналогичным образом.

Поскольку средства массовой информации стали в технологическую эпоху одним из путей передачи фольклора (Дег 1994: 25), помимо интервью, в книге использованы такие дополнительные источники, как русскоязычная израильская пресса и русскоязыч-

ные интернет-форумы. Роль русскоязычной прессы в жизни эмигрантов из бывшего СССР остается высокой, что вынуждает изра-

ильский истеблишмент считается с ней (Каспи и др. 2002; Еленевская 2000, 2004; Зильберг 1995). В интервью нередки апелляции к газетам, радио- и телепередачам и даже прямые цитаты из них. И, наконец, проблематика, возникающая в интервью, совпадает с той, что появляется на страницах газет и в русскоязычных интернет-форумах, в которых принимают участие бывшие соотечественники, разбросанные по всему миру, будь то Израиль, Канада или Германия.

В процессе полевой работы мы регулярно вели дневник этнографических наблюдений, в который записывали наблюдения над речью и поведением информантов. Некоторые из этих наблюдений записаны на кассеты сразу по окончании интервью, другие – письменно и через некоторое время. В дневниках есть также рассказы и фразеологические обороты эмигрантов, услышанные нами, но не записанные на магнитофон. Использование разных типов источников, таких как интервью, наблюдения, документы, фотографии и пр. позволяет получить комплексное представление об исследуемой группе и повысить степень его объективности за счет сравнения полученной информации (Паттон 1987: 105).

Демографический профиль информантов

Поиск информантов проходил по принципу «снежного кома». Некоторые сами знакомили нас с друзьями и родственниками, заинтересовавшимися проектом. Большая часть интервью записана в районах, густо населенных выходцами из бывшего СССР, а именно, в Хайфе (80), Верхнем Назарете (*Нацерет-Илит*) (18), Ашкелоне (13) и в Беер-Шеве (7). Остальные живут в 11 других городах Израиля, включая один из кибуцев, все в пределах «зеленой черты», составляющей территорию Израиля до 1967 года. По данным Фельдмана, в Хайфе иммигранты составляют 22, 2% (66421) от общего населения города; в Нацерет-Илит 44,8% (22818); Ашкелоне 33,1% (35738); в Беер-Шеве 29,4% (54341). Ха-

рактарно, что в таких городах, как Иерусалим и Тель-Авив, проживают лишь 7,5% (53661) и 12% (52480) соответственно (Фельдман 2003: 53). Израильские географы Амирам Гонен и Эрез Цфадия указывают на то, что в 1950-е годы у вновь прибывших иммигрантов из восточных стран практически не было возможности выбора места проживания. Их сразу направляли в города развития, которые, несмотря на громкое название, превратились в экономически отсталые районы (Гонен 1998: 252; Цфадия 2000: 58–59). В 1990-е годы иммигранты были свободны выбирать место жительства, однако высокие цены на жилье в центре страны, где сосредоточены промышленные предприятия и научные учреждения, а также государственная политика, сулившая разнообразные льготы тем, кто выбирал города развития, существенно повлияли на расселение волны 1990-х. Гонен также отмечает, что большой неожиданностью для географов явилась притягательность Хайфы, которая на «ментальной карте» израильтян была провинцией. Он предполагает, что причина этого состоит в постепенном превращении Хайфы во вторую метрополию, начинающую соперничать с центром. В то же время, относительно небольшой процент иммигрантов в Иерусалиме объясняется проблемами безопасности, а в Тель-Авиве – дороговизной жизни и жилья. Для того, чтобы удержаться в метрополии, они вынуждены были селиться либо в непрестижных районах южного Тель-Авива, либо в городах-спутниках, например, Кфар-Сабе, Петах-Тикве и т. д. (Гонен 1998: 253, 265–266).

Среди информантов 100 женщин и 43 мужчины, включая 6 детей и подростков обоих полов. Преобладание женщин закономерно, поскольку их объективно больше. По данным Центрального Статистического Бюро на 1990–1997 гг. и Министерства Абсорбции и Еврейского агентства на 1998–1999 гг. женщины составляют 54,4% и мужчины 45,6% всех репатриантов из бывшего СССР, прибывших в годы «большой алии» (цит. по Аль-Хадж и Лэшем 2000:8). Среди прибывших много неполных семей, возглавляемых женщинами (Лэшем и Сикрон 1998: XIII). И, наконец, женщины

охотнее соглашались принять участие в проекте. Возрастной состав участников наглядно представлен в таблице:

Возраст				
	16–30 лет	31–45	46–60	61–80
Количество	46	15	40	36
	(31 жен.	(9 жен.	(31 жен.	(24 жен.
	15 муж.)	6 муж.)	9 муж.)	12 муж.)

Несмотря на то, что мы не ставили перед собой задачу создания статистически репрезентативного корпуса, группа в целом отражает характерные черты мигрантов данной волны. Во-первых, все они городские жители, большинство из которых проживало в крупных промышленных городах таких, как Москва (21), Санкт-Петербург (17), Киев (14) и т. д. Как уже отмечалось, они прибыли из 49 городов бывшего СССР, причем 119 информантов жили в Европейской части страны, а остальные 24 – в кавказских и среднеазиатских республиках. Наш корпус отражает и тот факт, что основное количество иммигрантов прибыло из России и Украины (Аль-Хадж и Лэшем 2000: 8; Лэшем и Сикрон 1998: XII–XIII). Во-вторых, у 92 информантов – высшее образование, а двенадцать из них – обладатели ученых степеней. Согласно данным социологических исследований, примерно 60% приехавших из бывшего СССР – это люди с высшим образованием, что существенно превышает их количество среди израильских старожилов (30%) (Лэшем и Лисак 1999: 144). Образовательный уровень информантов весьма важен для нашего исследования, поскольку объясняет частые аллюзии на темы русской и советской литературы, искусства, истории, равно как и высокую степень рефлексивности участников проекта. С точки зрения национального состава, мы разделили информантов на 4 группы:

- 1-ая группа – оба родителя информанта/ки евреи (85)
- 2-ая группа – мать информанта/ки еврейка (17)

- 3-ая группа – отец информанта/ки еврей (6)
- 4-ая группа – информанты приехали в качестве супруга/супруги евреев (14)

У нас нет точной информации об этнической принадлежности 21 информанта. Тринадцать из них зарегистрированы евреями, т.е. могут относиться либо к 1-ой, либо ко второй группе, семеро – как неевреи, т.е. относятся к 3-ей или 4-ой группе и, наконец, в трех случаях эта тема не поднималась вообще.

Разделение информантов на 4 группы вместо двух (евреи-неевреи) продиктовано несоответствием между правом на иммиграцию в Израиль, определяемым по Закону о Возвращении, и признанием еврейства, определяемому по Галахе. Самостоятельное право на иммиграцию в Израиль имеют лица, один из родителей которых (или даже бабушка/дедушка) является евреем и официально не сменившие религию, причем запись в паспорте в стране исхода значения не имеет. Евреями же признаются только представители 1-ой и 2-ой групп, а дети отцов-евреев, как и нееврейские мужья/жены иммигрантов рассматриваются как единая категория и даже становятся объектами шовинистических нападок в прессе. Таким образом, возникла парадоксальная ситуация, когда люди, сагитированные Еврейским Агентством как евреи, приезжая в Израиль, автоматически становятся неевреями (Киммерлинг 2001: 143). Справедливости ради отметим, что и те, и другие получают израильское гражданство в момент прибытия, за исключением тех случаев, когда нееврейские супруг/супруга приезжают отдельно позднее. Неевреи среди иммигрантов в Израиле были и раньше, но их количество резко возросло в 1990-е годы, вызвав появление антииммигрантских статей в израильской прессе, не говоря уже о настроениях «улицы». Социологи и демографы пытаются осмыслить понятие «еврей» применительно к новоприбывшим из бывшего СССР и рассматривают его то по сугубо жестким критериям Галахи (Аль-Хадж и Лэшем 2000: 25), то расширительно, распространяя его как на представителей первых трех

групп, так и на нееврейских супругов, разделяющих с евреями их заботы и проблемы (Брим 1997: 178; ДеллаПергола 1998: 52; Фельдман 2003: 55–64).

Российского читателя не удивит, что до 95% потомков от смешанных браков регистрировались неевреями (Дымерская-Цигельман 2000: 39). В народе они назывались «полукровками» или «половинками» независимо от того, кто из родителей был евреем. Их психологическая национальная самоидентификация могла и может меняться в зависимости от обстоятельств, но также безотносительно к национальности матери или отца (ДеллаПергола 1998: 53; Носенко 2004: 124; Синельников 2002), что полностью игнорируется израильским законодательством (Масюкова 2000; 2004; Солодкина 1996: 26–31). Диалектика самоидентификации, в которой по-прежнему ощутимо советское прошлое, заметно проявляется в иммигрантских рассказах.

Стратегии полевой работы

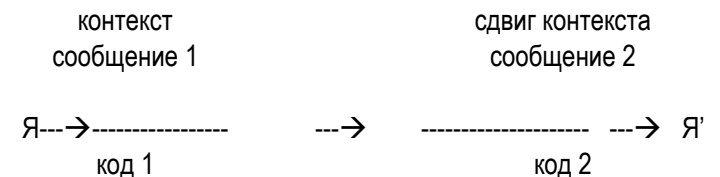
Все типы интервью можно разделить на структурированные, полуструктурированные и неструктурированные или, иначе, свободные, внешне напоминающие беседу (Фонтана и Фрей 2000: 645). Выбор типа интервью зависит от ряда факторов. Так, например, позитивисты, стремясь достичь объективности, предпочитают строго выверенную систему вопросов, а иногда и стандартизированный набор ответов. Сторонники коммуникативного подхода, напротив, считают мировоззрение человека слишком многоплановым, чтобы уложиться в прокрустово ложе вопросника (Сильверман 1993: 106). Признавая тот факт, что все виды интервью имеют свои плюсы и минусы, мы считаем свободные интервью наиболее подходящими для изучения личных рассказов, тем более, что, по нашим наблюдениям, система прямолинейных вопросов может спровоцировать «правильные» ответы, оставив в тени подлинные намерения информанта. Рассказ же, в отличие от декларативного высказывания,

отражает их в большей степени. По мнению Паттона, свободные разговорные интервью особенно полезны в тех случаях, когда исследователь не очень ограничен во времени и может позволить себе задержаться среди тех, кого изучает. Мы естественным образом отвечаем этому требованию, поскольку сами являемся эмигрантами 1990-х. Высоко оценивая свободные интервью, Паттон, однако, подчеркивает такие их недостатки, как трудоемкость и зависимость от коммуникативных способностей интервьюера (Паттон 1987: 110–111). На разных стадиях работы, от проведения интервью до расшифровки и анализа записей мы имели возможность убедиться и в крайней трудоемкости данного метода, и в его высокой результативности, как в научном, так и в чисто человеческом смысле. Нам было приятно узнать, что и студенты, принявшие участие в проекте, разделяют это мнение. Одним из несомненных преимуществ свободных интервью является их демократичность: голос исследователя теряет авторитарность, а информанты становятся не просто объектами исследования, но и его полноправными участниками. Такая переоценка роли информанта стала следствием растущего интереса социологов, антропологов и фольклористов к изучению людей грамотных и даже представителей элитных групп: врачей, ученых, руководителей производства, деятелей искусства и т.д. Все большее количество работ посвящено этим группам и в эмигрантологии (см. например, Ременник 2002а; Федер-Бубис 1997; Эпштейн и Хеймец 2000, 2000а). Но, как справедливо заметили Ангросино и де Перез, изучение людей грамотных закономерно лишает исследователя статуса арбитра, его выводы могут быть проверены и опротестованы вчерашними респондентами (Ангросино и де Перез 2000: 675).

Мы уже отмечали, что интервьюирование, равно как и комплексное изучение культуры, тесно связано с изучением коммуникации. Именно поэтому понятия и модели, разработанные в теории коммуникации, нередко применяются к культурологическим исследованиям. Одна из этих моделей была предложена Романом Якобсоном в его работе «Лингвистика и поэтика» (Якобсон 1960: 353).

Юрий Лотман, ведущий советский специалист по семиотике, предупреждал исследователей культуры против механического использования этой модели в культурологии и рассматривал автокоммуникацию или иначе, внутреннюю речь, как независимую модель коммуникации. Внешняя коммуникация (Я-Он) предполагает постоянность сообщения и кода при переменных носителях информации, а внутренняя (Я-Я) – неизменность носителя при перекодировке, а, следовательно, изменении смысла сообщения (Лотман 1992а: 76–79). Схема при этом выглядит так:

В то время как Лотман рассматривает использование двух моделей коммуникации при анализе художественной литературы, мы применяем их к изучению личных рассказов в межкультурном контексте. Глубинные свободные интервью напоминают дневниковые записи, построенные по принципу внутренней коммуникации (Я-Я). Рассказывая интервьюеру историю своей эмиграции, информант стремится осознать прошлое и переосмыслить его в свете нового опыта, приобретенного в стране проживания. Характерно, что люди нередко благодарили нас по окончании интервью за предоставленную возможность рассказать, а значит, и осмыслить события одного из тяжелейших жизненных этапов. С другой стороны, ин-

тервью сохраняют и черты внешней коммуникации Я-Он или в нашем случае Я-Она, поскольку интервью брали исключительно женщины. Учитывая тот несомненный факт, что каждый из типов коммуникации имеет собственные постоянные и переменные величины, необходимо признать увеличение переменности в наших интервью: информанты пытались осмыслить прошлое, вводя новый код, и одновременно передавали эту информацию интервьюеру. Константами оказывались язык, русский или иврит, а также фоновые знания о реалиях советского прошлого и израильского настоящего, преломленные в жизни иммигрантской общины. Специалисты по проблемам коммуникации знают о неоднозначности речевого высказывания и подчеркивают важность понимания его контекста, того, что люди обычно говорят в той или иной ситуации, для понимания сказанного (Сколлон и Сколлон 1995: 10). Формулируя вопросы и трактуя услышанное, мы опирались как на знание языка и особенностей его употребления, так и на наше понимание мира, сформированное в тех же условиях, что и мировоззрение информантов.

Вопросы к интервью не были ни стандартизированы, ни заготовлены заранее. Некоторым информантам требовалась помощь в виде вопросов, другие в них не нуждались, самостоятельно контролируя ситуацию, что, по определению Берто, характерно для хорошего интервью с рассказом о жизни (Берто 1981: 39). Вместе с тем, можно выделить семь основных тем, общих для большинства интервью:

- причины эмиграции;
- первые впечатления об Израиле;
- контакты с израильтянами (евреями и арабами);
- опыт работы/учебы в Израиле;
- проведение досуга до и после эмиграции;
- традиции и привычки до и после эмиграции;
- язык и его употребление.

Первоначальные темы мы выделили в результате анализа содержания пяти интервью, записанных студенткой Ханной Шмультян и хранящихся в ИАФР, а затем проверили и дополнили их при анализе первых 20 интервью, проведенных нами. Данная тематика частично совпадает с рекомендациями по проведению полевой работы, предложенными Линдой Дег в ее неопубликованном «Руководстве по собиранию этнического фольклора и этнической культуры» и процитированными Киршенблатт-Гимблетт (Киршенблатт-Гимблетт 1983: 41). Кроме того, некоторые темы возникали спонтанно, и мы, видя их значимость для информантов, включали их в дальнейшие интервью, как это, например, произошло с темой о месте Израиля между Западом и Востоком. Свободные интервью позволяют интервьюеру гибко реагировать на возникающие ситуации и личные особенности информанта. Задавая вопросы, важные для конкретного человека, легче установить личный контакт и вызвать собеседника на откровенность (Паттон 1987: 110; Панч 1998: 176). Помимо мотивного анализа интервью, мы изучали использование образных ассоциаций и посылок причинно-следственного характера, объясняющих позицию информантов, как это советуют Тэйлор и Визерелль (Тэйлор и Визерелль 1999: 40). Отметим, что повторение этих ассоциаций и посылок у разных информантов, сближает личные рассказы с традиционными фольклорными текстами (Райс 1997: 24–25) и свидетельствует о наличии общих для данной группы мыслительных категорий. И, наконец, мы задавали вопросы, проясняя непонятое и/или заполняя затянувшиеся паузы. Важной частью полевой работы были и разные способы подбодрить информантов, выражая нашу искреннюю заинтересованность в рассказах (Гоффманова 2000; Миллер 1997):

- интерес к происходящему выражался как мимикой, так и словесно («интересно», «потрясающе», «поразительно»);
- мы подсказывали слова, когда информант не мог подыскать их самостоятельно, что встречалось довольно часто как следствие забывания родного языка;

- мы, как эхо, подхватывали слова и обрывки фраз информантов, что не только типично для женского дискурса (Коатс 1996: 152–173; Мальц и Боркер 1982: 209–211; Холмс 2001: 284–316), но и является осознанной стратегией, направленной на минимизацию ведущей роли интервьюера, не претендующего на статус эксперта;
- если смысл рассказа был не вполне ясен, мы повторяли его с вопросительной интонацией в другой формулировке, и в ряде случаев информанты исправляли нас, приводя дополнительные объяснения.

В большинстве случаев мы остерегались спорить с информантами, особенно, когда они затрагивали политические темы. Вместо этого мы просили уточнить позицию, что, приходится признать, уже само по себе иногда воспринималось как несогласие. В этих случаях информанты выдвигали дополнительные аргументы в защиту своих взглядов или спешили от них отказаться, что мы, как правило, фиксировали в этнографическом дневнике или на кассете по окончании интервью.

Мы старались не прерывать информантов, используя «технику пылесоса» (Гольдштейн 1964: 133–138), что порой приводило к отклонению от темы эмиграции. В результате в нашем корпусе появились рассказы о еврейской катастрофе в период Великой Отечественной войны, о «добровольном труде» в период освоения целины и многочисленные воспоминания детства. Большинство этих рассказов остались за рамками данного исследования, но мы надеемся использовать их в своей дальнейшей работе. Выбор «техники пылесоса» в ущерб строго направленному сбору материала (Паттон 1987: 130; Розен 1999: 183) был обусловлен рядом факторов, а именно уважением к информантам, боязнью упустить интересный материал и отсутствием предварительных теоретических посылок. Мы согласны с Аткинсоном, предостерегающим тех, кто занимается качественными исследованиями в целом, и анализом личных рассказов в частности, от использования готовых теоретических схем. Теория должна сформироваться в результате

анализа реальных интервью, а не «спускаться» сверху, что было с успехом применено Бекерманом в эмигрантологии (Аткинсон 1998: 66; Бекерман 2000: 110).

Как мы уже отметили выше, помимо авторов, в сборе материала приняли участие семь студенток Хайфского университета, а следовательно, возникает необходимость анализа фольклорных групп и степени включенности в них интервьюера.

Фольклорные группы и роли исследователя

Термин «фольклорная группа» напрямую связан с понятием «народ» (англ. folk group, folks) и теми изменениями, которое оно претерпело в эпоху урбанизации. Дандес применяет его к любой группе людей, имеющей, по крайней мере, одну общую черту, будь то язык, религия или профессия и, что особенно важно, создавшей какие-либо собственные традиции (Дандес 1965: 2). Брюнванд и Сталь отмечают гибкость понятия фольклорная группа, подчеркивая включенность людей в несколько групп одновременно, что ведет к трансмиссии внутригруппового фольклора (Брюнванд 1968: 21–22; Сталь 1989: 24).

Поскольку и авторы, и пять студенток являются эмигрантами 1990-х из бывшего СССР, мы естественным образом входим в группу русскоговорящих израильтян. Кроме того, студентки, как и большинство их информантов, – это молодежь, характеризующаяся однотипным словоупотреблением и общим фольклором. Ивритоговорящая студентка и школьная учительница Ханни Манхейм предпочла интервьюировать коллег. Наконец, специального комментария требует специфика отношений с информантами Кристины Барзахьян. Изначально Кристина не планировала изучать эмигрантов из бывшего СССР. Ее курсовая работа была посвящена израильским армянам. Из четырех записанных Кристиной интервью два были взяты у детей и внуков тех, кто попал в Палестину, спасаясь от геноцида 1915 года (один рассказчик смешанного

армяно-арабского происхождения, другая, – армянка, живущая и работающая в арабской деревне). Двое других информантов оказались эмигрантами 1990-х из постсоветской Армении, оба смешанного армянско-еврейского происхождения. Несмотря на то, что Кристина, как и двое из ее информантов, внучка армянского беженца, она чувствовала себя чужаком по отношению ко всем четверым. Выросшая в ассимилированной арабско-армянской семье, она совершенно не знает армянского языка и лишь поверхностно знакома с историей и культурой Армении.

Восемь наших информантов – горские евреи, четверых из которых интервьюировала горская еврейка Лаура Абрамов, а остальных – Лариса Фиалкова и Алина Санина. Рассказы о внутригрупповых традициях по-разному воспринимались Лаурой и Ларисой (интервью, записанное Алиной, вообще не касалось культурной специфики группы). В современных этнографии и фольклористике большое внимание уделяется анализу роли исследователя по отношению к изучаемой группе как чужака, базирующегося на наблюдении со стороны, или как ее равноправного участника. Чем больше дистанция, отделяющая исследователя от информантов, тем выше вероятность конфликтов, тем чаще возникает потребность в уточнениях. Ученому, наблюдающему информантов со стороны, легко задавать вопросы, но трудно интерпретировать ответы, а его коллеге, включенному в группу, наоборот, понимание ответов дается легче, чем формулировка вопросов (Голанова 1996: 431; Джорджес и Джонс 1980: 66). Помимо прямого интервьюирования и включенного наблюдения, ученый, исследующий собственную группу, использует также технику самонаблюдения, имеющую большое значение в социологии и фольклористике (ср. Адлер и Адлер 1994: 385–386; Вильсон 1986: 231; Фиалкова 2001). В начале проекта мы приняли решение не интервьюировать ни себя, ни студентов, помогавших нам в работе, из опасения, что знакомство со специальной литературой окажет влияние на рассказчиков. Вместе с тем, мы записали отдельные рассказы, составлявшие часть нашего стабильного репертуара еще до начала

работы. Мы не стыдимся этих рассказов и не боимся быть признанными. В ИАФР они значатся под подлинными именами, но в книге приведены под псевдонимами: в роли рассказчиков мы не отличаемся от остальных информантов и, как и они, сохраняем анонимность.

Даже в тех случаях, когда интервьюер – полноправный член изучаемой группы, ситуация интервью изначально двойственна. С одной стороны, интервьюер – официальное лицо, представитель истеблишмента (см. например, об этом Кристианс 2000: 141–142; Рязанова 1996: 155–160; Фиджин: 2002: 25–26), а с другой стороны, «такой же, как мы», или, точнее, «один из нас». Настороженность, нередкая в начале встречи, как правило, исчезает уже после первых понимающих реплик интервьюера или его личных рассказов, трансформирующих официальную, а значит, неприятную, встречу в дружескую беседу.

Социологические, антропологические и фольклористские исследования всегда являются испытанием объективности ученых. Проведение полевой работы в собственной группе чревато подводными камнями в виде предубеждений, общих для всех участников проекта. Мы всячески стремились быть непредвзятыми, но анализ транскриптов свидетельствует о том, что некоторые наши вопросы и реплики воспроизводили стереотипы, характерные для изучаемой группы. Вместе с тем, и изучение группы, отличной от собственной, отнюдь не гарантирует объективности. Во-первых, интервьюер нередко трактует полученные ответы, исходя из норм и ценностей собственной культуры. Во-вторых, объективность падает, когда в изучаемой группе видят реальную или воображаемую угрозу своему образу жизни или жизни родных и друзей (Миллер 1997: 160). В контексте израильского общества тип субъективности зависит, в частности, от того, религиозен ли исследователь, сионист ли он, еврей или араб. Таким образом, приходится признать, что полная объективность, как и идеальный газ, существует только в теории, а исследователю остается лишь осознать этот факт и приложить максимум усилий для его нейтрализации. В нашем слу-

чае чрезвычайно полезным оказался метод *остранения*, сформулированный в 1929 г. Виктором Шкловским и построенный на деавтоматизации знакомых явлений (Шкловский 1983: 15).

При изучении эмигрантских групп типичны три основные ситуации: 1) информанты охотнее общаются с интервьюерами, с которыми их сближают расовые и этнические характеристики; 2) предпочитают общаться с аутсайдером; 3) для ряда эмигрантских групп национальность и цвет кожи интервьюера имеют подчиненное значение, а на первый план выступают его возраст, пол или иные критерии (Ганс 2000: 85–86). Российскому читателю, знакомому с историей репрессий и связанных с ними страхов, понятно, что в силу исторических причин наши информанты к «чужаку» относятся настороженно и легче раскрываются при общении со «своими», т.е. с теми, кто говорит с ними на одном языке в прямом и переносном смысле слова.

Этика в исследовании личных рассказов

Проблемы этики в качественных исследованиях, давно обсуждаемые на Западе, относительно недавно стали частью российского научного дискурса. Чрезвычайно интересна в этом плане работа А. Панченко, проанализировавшего историю вопроса применительно к фольклористике. С его точки зрения, всякая полевая работа является эксплуататорской в своей основе, потому что ведет к присвоению исследователем символических ценностей (Панченко 2001: 9). Изучение личных рассказов, связанное с проникновением во внутренний мир человека, обостряет этическую проблему как никогда и ставит на повестку дня вопрос об ответственности исследователя перед информантами. И тема эта вновь возвращает нас к вопросу о псевдонимах, рассмотренному в начале главы. Защита информантов, включая право на анонимность, стала одним из краеугольных камней этического кода Американской Ассоциации Антропологов (AAA): <http://www.aaanet.org/committees/ethics/ethcode.htm>. Вместе с тем,

требование анонимности не является обязательным и всеобщим. Нам знакомы замечательные исследования личных рассказов, где имена информантов были сохранены (например, Разумова 2001). Более того, иногда информанты настаивают на публикации имен, особенно в тех случаях, когда исследование инициировано и оплачено ими (Розен 1999). И все же, многие информанты, даже не склонные к стеснительности, по-советски не доверяют властям и озабочены тем, чтобы откровенность не обернулась помехой их благополучию в новой стране. И лишь обещание анонимности разрушало барьер.

Другая этическая проблема, стоявшая перед нами, состояла в том, что многие информанты, видя в нас «своих», приписывали нам и собственную идеологическую позицию. Как уже говорилось, мы избегали споров с информантами и не обнародовали свои политические взгляды. С подобной ситуацией столкнулся израильский антрополог, Дан Рабинович, изучавший еврейско-арабские отношения в Назарете и Верхнем Назарете. Еврейские респонденты изначально предполагали, что он, молодой мужчина-еврей, поддерживает политику «евреизации» Галилеи, а те немногие, кто знал о сути проекта и о сочувствии Рабиновича к арабам, видели в нем отщепенца (Рабинович 1997: 21–22, 105–108). Эмигрантки, изучающие выходцев из бывшего СССР, мы оказались в промежуточном положении между израильским истеблишментом и общиной: солидарность осложнялась настороженностью, когда в нас видели представителей «властей». Несколько человек отказались от интервью, узнав, что оно будет записано на магнитофон, другие просили выключить запись, когда разговор заходил о сугубо интимных делах или, когда собственные ответы казались им идеологически невыдержанными. Один информант, бывший преподаватель марксизма-ленинизма (Исаак Ш., 70+)*, с удовольствием рас-

* Здесь и далее везде в тексте знак «плюс» после указания возраста информанта означает, что ему больше лет, чем указано, но точный возраст неизвестен.

сказавший нам несколько анекдотов, встревожился, услышав вопрос о причинах его эмиграции и, коротко ответив на него, пожелал прослушать запись. Когда мы выполнили его просьбу, он воскликнул: «Хоть сейчас на радио Рэка!»³. Другая информантка (Наталья З., 61) захотела прочесть статью, в которой ее рассказ был опубликован, и успокоилась, лишь убедившись в своей неузнаваемости.

Требование ответственности перед информантами становится особенно болезненным, когда они рассказывают о нарушениях законности и моральных норм, принятых в данном обществе (см. Миллер 2000: 83). В нашем корпусе есть несколько рассказов о взятках, обмане и подделке документов, но, к счастью, нет информации, угрожающей жизни и собственности третьих лиц. Как известно, понятия закон и мораль разведены в русской культуре, причем справедливость важнее истины (Лебедева 1999: 128–138). В законе часто видят инструмент подавления человека государством, а нарушение закона в подобных случаях считают нравственным и правильным. Изучая разговорные жанры в постперестроечной России, Райс выделила среди них «рассказы о мужских шалостях» (Райс, 1997: 65–82). Рассказы этого типа можно подразделить на две подгруппы: истории о «гусарстве» и истории о плутовстве. Думается, что истории о шалостях – это жанр популярный не только в мужском, но и в женском дискурсе при несомненном различии сюжетов. В то время как мужчины бахвалятся победами в драках, питейными достижениями и успехами у прекрасного пола, женщины повествуют о соблазнении, покорении и обмане мужчин, свекровей или невесток. Кроме того, и те и другие охотно рассказывают о победах над всесильной «системой», связанных с нарушением законности. В рассказах об эмиграции особо заметны истории о подделке документов, нарушении таможенных правил и об отъезде без разрешения близких родственников, т.е. рассказы о плутовстве. Так, например, мы записали несколько рассказов матерей-одиночек о вывозе детей без разрешения бывших мужей, что является нарушением и по израильским законам, но только до достижения ребенком 18-ти лет. С точки зрения информанток, от-

цы руководствовались желанием досадить бывшим женам, а вовсе не родительскими чувствами. Обман был единственным средством спасения пленницы, а значит, морально оправдан. Безусловно, в ряде случаев дело обстояло именно так, а в других – любящие отцы оказывались жертвами. Приведем типичный пример:

Юлия Х., 53

Юлия: Я вообще собралась было ехать⁴, когда Инночке моей было пять лет. Думала, хотела ехать. А муж не подписал.

Интервьюер: Разрешение...

Юлия: Не подписал разрешение.

Интервьюер: Вы уже были в разводе?

Юлия: Я давно в разводе. Очень давно. Я, это самое, конечно, из-за ребенка никуда не уехала, всё. И когда я уже стала опытная преподавательница, имела вес, у меня в классе были дети судьи, дети адвокатов, дети учителей всех школ по моей параллели только у меня и были. Я – сильный педагог. И уже у меня связи, всё. И я нашла нотариуса, который помог мне. Я прямо подошла, ему сказала: «Смотри, мое положение вот так, вот так, вот так. Если Вы мне сделаете, между нами, никто знать не будет, я дам столько-то денег». Тысяча рублей – тогда были большие деньги. Это очень большие деньги были. Это десять, можно сказать, десять или восемь-девять зарплат. Он говорит: «А если ты уедешь, он мне не будет проблемы делать?» Я говорю: «Никаких проблем. Все проблемы со мной. Если я уеду... я уеду – все уже, уже проблемы все кончатся». Он согласился.

Похожая история произошла и с Зиной Б., 53, сын которой, в отличие от совершеннолетней дочери Юлии, был ребенком. Две другие информантки, (Екатерина Б., 23 и Анастасия Ц., 48) специально разыскивали по просторам Советского Союза отцов, с которыми не контактировали одна с пяти, а другая с трехлетнего возраста, чтобы получить разрешение на отъезд. В наших этнографических дневниках есть и рассказы двух эмигранток (Екатерины Р.,

40 и Риммы А., 50), въехавших в Израиль по туристическим визам: Екатерине не удалось разыскать своего отца, а бывший муж Риммы, никогда не видевший своей десятилетней дочери, категорически отказался подписать необходимые бумаги.

Вторая тема рассказов о плутовстве связана с обманом советской таможни, а именно, с вывозом картин, драгоценностей и личных коллекций. Правила, ограничивающие ввоз и вывоз, существуют в каждой стране и нередко воспринимаются как несправедливые. Для эмигрантов запрет на вывоз вещей, многие из которых (например, книги, изданные до 1945 г. или дореволюционные фотографии) имели, скорее, символическое, чем материальное значение, воспринимался как последняя попытка советского государства оскорбить и обобрать покидающих его людей. Неподчинение насилию считалось достойным одобрения.

И, наконец, самые щекотливые рассказы о плутовстве касаются регистрации национальности, как в СССР, так и в Израиле. Некоторые из них были записаны нами на магнитофон, другие, касающиеся предэмиграционных подделок документов о еврействе, мы слышали, лишь включив запись.

Мы согласны с Аль-Хаджем и Лэшем о большей снисходительности эмигрантов из бывшего СССР к преступлениям «белых воротничков», чем это свойственно израильтянам. Вместе с тем, обратим внимание читателей на важную деталь: когда информанты отвечали на структурированные вопросы социологического исследования, проводимого ими, и в том числе о готовности/неготовности сообщить властям о преступлениях подобного рода, они демонстрировали свои обобщенные взгляды безотносительно к собственной практике (Аль-Хадж и Лэшем 2000: 51–53). В свободных интервью, записанных нами, люди раскрывали факты своей биографии, становясь уязвимыми. Истории о подобных преступлениях обладают большой привлекательностью и охотно воспринимаются членами группы, которые, как предполагается, знакомы с реальностью, спровоцировавшей рассказчиков на плутовство. Каким бы ни было наше личное отношение к рассказам о

плутовстве, мы, в полном соответствии с этическим кодом Американской Ассоциации антропологов, считаем себя ответственными прежде всего перед доверившимися нам людьми и, следовательно, храним их секреты.

Примечания:

¹ Израильские антропологи Эдна Ломски-Федер и Тамар Рапопорт, поставили под сомнение целесообразность интервьюирования на родном языке, считая, что такая практика маргинализирует информантов, оставляя их на периферии нового общества. В качестве доказательств они привели рассуждения своих трех ассистенток, недавних эмигранток из бывшего СССР, занимавшихся интервьюированием эмигрантской молодежи. По мнению ассистенток, эмигранты в ряде случаев не хотят разговаривать по-русски, как например, лесбиянки, а также люди, пришедшие к религии или вышедшие замуж за израильтян (Ломски-Федер и Рапопорт 2004). Отметим, что все ассистентки испытывали трудности с родным языком, поскольку профессиональное образование получили уже в Израиле. Наши информанты, включая студентов, предпочитали рассказывать о себе по-русски, хотя возможность выбора была почти у всех (за исключением тех, с кем беседовали ивритоязычные студентки), поскольку мы свободно владеем разговорным ивритом. Мы согласны с авторами статьи в том, что языковая самоидентификация проходит по-разному. Хорошо, когда право выбора языка остается за эмигрантом, плохо, когда исследователи подводят теоретическое обоснование под собственное незнание языка изучаемой общины.

² Все фрагменты из интервью цитируются без редакторской правки. Включения слов и выражений на иврите, идише и английском языках отмечаются курсивом, а фрагменты, выделенные интонационно, – большими буквами.

³ *Рэка* – израильская радиостанция на русском языке, вещающая 16 часов в сутки.

⁴ Характерно, что Юлия, как и многие другие информанты, употребляет глагол «уехать» вместо «эмигрировать», о чем мы подробнее расскажем в четвертой главе.